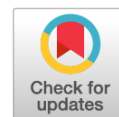

Редакционная статья

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS659816>

О концепции нравственного государства

А.Д. Керимов

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В нашей стране и во многих других государствах наблюдается ярко выраженная тенденция отказа от западных, либерально-глобалистских аксиологических установок, по сути, постмодернистских воззрений и возвращения к национальным, традиционным духовным ценностям. Автор продолжает дискуссию, развернувшуюся на страницах научных журналов вокруг тех основополагающих социально-философских и политико-правовых проблем, которые подверг тщательному анализу С.Н. Бабури в своей книге «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма». А.Д. Керимов рассматривает ряд судьбоносных для человечества вопросов: априорная нравственность и (или) аморальность государства; изначальная порочность капитализма, которая особенно ярко проявляется на современной фазе его эволюционирования; неизбежность гибели буржуазного строя. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы внести посильный вклад в дальнейшую разработку концепции нравственного государства. Отмечаются существенные сдвиги в ценностях и структуре потребления, связанные с повышением культурного уровня людей XX и XXI веков. Люди осознают, что качество жизни зависит от духовной насыщенности и стремятся к обогащению повседневности. *Homo sapiens* нового типа обращает внимание на социальную значимость труда, стремится к самореализации и удовлетворению от работы. Большая часть заработанных средств тратится на удовлетворение духовных потребностей (интеллектуальных, этических, религиозных, эстетических, эмоциональных), таких как чтение книг, посещение лекций, театров, музеев и т.д. Автор приходит к выводам о возможности преодоления буржуазного строя в России бескровным путем и о чрезвычайно важной роли в этом процессе новой, зарождающейся постэкономической личности.

Ключевые слова: государство; общество; нравственность; капитализм; духовность; социум; ценность; нация; аморальность; народ.

Как цитировать

Керимов А.Д. О концепции нравственного государства // Российский журнал правовых исследований. 2025. Т. 12. № 1. С. 7–18.
DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS659816>

Editorial

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS659816>

Concept of an ethic state

Alexander D. Kerimov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

A clear global and national trend to reject Western, liberal and globalist axiological attitudes—postmodernist views *per se*—and return to traditional national spiritual values. The author continues the discussion unfolded in scientific journals around those social, philosophic, political, and legal fundamental problems carefully analyzed by Baburin in *The Ethic State: A Russian View of the Values of Constitutionalism*. Kerimov discusses some issues that are of crucial importance to humanity, including the *a priori* ethic and/or immoral state; the original depravity of capitalism, which is especially evident at the contemporary stage of its evolution; and the inevitable death of the bourgeois system. The purpose of this article is to contribute to further development of the ethic state concept. We observe significant shifts in values and consumption patterns associated with the increased cultural intelligence in the 20th and 21st centuries. People realize that the quality of life depends on spiritual depth; they strive to bring more meaning to their everyday life. A new type of *Homo sapiens* focuses on the social element of labor, and is committed to for self-actualization and occupational satisfaction. Most money earned is spent on spiritual needs (intellectual, ethic, religious, aesthetic, and emotional), e.g., books, masterclasses, theaters, museums, etc. The author concludes that it is possible to overcome the bourgeois system in Russia without bloodshed and that the new emerging post-economic personality plays an extremely important role in this process.

Keywords: state; society; ethic; capitalism; spirituality; community; value; nation; immorality; people.

To cite this article

Kerimov AD. Concept of an ethic state. *Russian journal of legal studies*. 2025;12(1):7–18. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS659816>

Received: 10.01.2025

Accepted: 21.02.2025

Published online: 28.03.2025

ВВЕДЕНИЕ

Огромное количество научных работ как отечественных, так и иностранных специалистов посвящено рассмотрению проблем правового, демократического, социального государства. Названные его характеристики последние минимум три века занимают умы ученых и политиков, становятся предметом серьезных изысканий, темами дебатов на разнообразных международных и внутринациональных конференциях, симпозиумах, круглых столах. Кроме того, напомним, что эти его признаки закреплены как обязательные в конституциях многих стран мира.

Однако всем нам гораздо реже приходится слышать, читать и, соответственно, размышлять о государстве нравственном. И это несмотря на то, что именно данное его качество является архиважным. Посему дальнейшее развитие юридической науки немыслимо без всестороннего критического обсуждения находящейся в стадии формирования концепции нравственного государства. Заслуга успешного и многообещающего начала ее разработки принадлежит прежде всего доктору юридических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, Заслуженному юристу Приднестровской Молдавской Республики, Почетному академику Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранному члену Академии наук Абхазии С.Н. Бабурину, написавшему книгу «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма»¹ [1].

Призыв доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Азербайджанской Республики, иностранного члена Российской академии наук И.М. Рагимова к широкой дискуссии по предложенным С.Н. Бабуриным положениям концепции нравственного государства оказался не только уместен, но и несомненно очень важен². Вполне объяснимо, что на него незамедлительно откликнулись как юристы, так и высококвалифицированные исследователи из других отраслей знания: доктор философских наук, профессор, Академик Болгарской академии наук О. Загоров, доктор юридических наук, профессор В.Д. Мазаев, доктор философских наук, профессор В.И. Карасев и др. [4, с. 106–111; 5, с. 197–200; 6, с. 94–105; 7, с. 83–93; 8, с. 63–78; 9, с. 13–20; 10, с. 63–70; 11, с. 33–40]. Тем не менее мы здесь еще в самом начале обстоятельного разговора. Позволим себе присоединиться к инициированному И.М. Рагимовым диалогу.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Любая значимая, фундаментальная монография, исследующая социальную реальность, представляет собой

ожидаемый положительный результат, закономерный итог длительного и напряженного творчества, творчества непременно свободного, не отягощаемого непосильным грузом ранее сформулированных метафизических постулатов, не смущаемого априорными трансцендентальными аксиомами. Такие произведения по определению базируются на скрупулезном изучении колоссального массива соответствующей литературы и обширного эмпирического материала. При этом их авторы намеренно отстраняются от деталей и частностей, не увлекаются чрезмерно сбором якобы «исчерпывающих», но на деле вечно недостаточных и нередко антиномичных сведений, различного рода статистических данных, не ограничиваются сугубо описательным методом, занимающим в иерархии познания низовые позиции. Они неуклонно демонстрируют потрясающую способность возвышаться до философского уровня освоения общественного бытия.

В безудержном, бесконечно протейческом круговороте, пестром, причудливо изменчивом калейдоскопе событий, среди великого множества текущих явлений, разнообразных фактов и перипетий повседневной, обыденной жизни, в океане достоверной и ложной, ценной и бесполезной, научной и псевдонаучной информации незаурядные ученые умеют высветить самую суть анализируемого объекта, даруя нам столь заманчивую уникальную возможность насладиться наиболее емким и всесторонним пониманием его глубинной внутренней структуры и организации, его сущностным содержанием.

Выходящие из-под их пера сочинения обыкновенно насыщены абстрактно-теоретическими схемами, построениями и конструкциями, обязательно изобилуют яркими и смелыми, оригинальными и самобытными идеями. Идеи эти относятся как к минувшему, так и настоящему. Зачастую они касаются будущего. Тогда мы становимся свидетелями удивительных предвидений, пророческих откровений, с поражающей воображение точностью предвосхищающих грядущее.

Создать что-либо принципиально новое в процессе осмысления общественно-гуманитарной действительности чрезвычайно сложно. Но в данном случае расхожая фраза «новое есть лишь хорошо забытое старое» оказывается совсем нектати, поскольку видные, особо выделяющиеся достижениями представители названного направления академических и прикладных исследований поистине обнаруживают и предлагают нечто доселе неизвестное. Когда результаты их интеллектуальной деятельности, плоды их трудов находят практическое применение, природная, искусственная и социальная среда нашего обитания порою трансформируется до неузнаваемости, меняется облик мира. Если же их усилия и искательства, их созидания и вдохновения освящены высокими целями и благородными стремлениями, идеалами нравственности и свободы, мир совершенствуется, преображается и перевоплощается, делается гармоничнее, чище и лучше.

¹ В 2023 г. и в 2025 г. книга в связи с ее востребованностью была переиздана в Москве. Более того она была переведена на сербский язык и издана в 2023 г. в Белграде [2], а в 2024 г. в Бания-Лука [3].

² И.М. Рагимов опубликовал свое обращение к обществоведам в предисловии к труду С.Н. Бабурина [1, с. 7].

Все изложенное характерно для творчества С.Н. Бабурина. Посему мы не могли обойти вниманием его недавно увидевшую свет монографию «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма». По завершении ее вдумчивого и заинтересованного изучения (мы уже долгие годы увлечены государствоведческой тематикой), мы сочли целесообразным сосредоточиться на тех идеях автора, которые, с нашей точки зрения, либо являются наиболее новаторскими и неординарными, перспективными и содержательными, либо вызывают тревожные и тяжелые сомнения, недоверчиво-критические размышления.

1.

Может ли в принципе быть нравственным или аморальным государство? Последнее здесь нужно рассматривать как минимум в двух ипостасях: во-первых, в качестве определенной целокупности, т.е. некоего государственно структурированного социума, политической формы организации населения в масштабах страны, во-вторых, исключительно как иерархическую и многоуровневую систему властвования правящего меньшинства. В первом случае ответ должен быть безусловно утвердительным. Ведь народу имманентно присущи все, скажем, почти все достоинства и недостатки, обыкновенно свойственные отдельным личностям. Поэтому он бывает как добродетельным, так и греховным, о чем, собственно, красноречиво и неумолимо свидетельствует вся история человечества. Соответственно, и объединяющее народ государство также может в той или иной степени оказаться и неизменно оказывается, что опять же подтверждается всемирной общественно-политической практикой, по своей сути и по своим деяниям приверженным либо возвышенным духовным идеалам, либо, напротив, глубоко порочным, низменным, приземленным побуждениям.

То же, но с еще большей однозначностью, категоричностью и безапелляционностью, следует заявить и во втором случае. В самом деле, господствующая элита порою искренне стремится к реализации всеобщей воли (которую, заметим, отнюдь не всегда безоговорочно надлежит принимать в качестве единственного и исчерпывающего верховного начала, уникального источника справедливого и разумного жизнеустройства), демонстрирует непритворную заботу о гражданах, внимательное и уважительное отношение к нуждам и чаяниям, надеждам и помыслам простых людей. Современное и прошлое бытие ныне существующих и канувших в Лету могущественных и слабых, суверенных и зависимых, тиранических и демократических, просвещенных и варварских монархий и республик изобилует разительными, показательными примерами национально ориентированных и национально ответственных правительств. Иначе говоря, нравственность нобилитета (по крайней мере немалой его части) не такая уж небывалая антикварная редкость.

И все же в основе своей государство, понимаемое в означенном контексте, т.е. как система властных институтов и учреждений, априори несет в себе существенную долю исконной аморальности, оно изначально заражено, устойчиво инфицировано ею. Эта врожденная и посему неотъемлемая, органическая и до конца неизлечимая болезнь государства классового общества непременно заслуживает особого символического названия, допустим, «синдром хронической безнравственности». Она естественным образом проистекает из того очевидного и неоспоримого обстоятельства, что истеблишмент призван прежде всего обеспечивать в действительности, притом любыми средствами, сохранение статус-кво, сложившегося положения вещей, а именно: гегемонию правящей привилегированной страты, перманентную эффективную защиту ее жизненных интересов и фундаментальных ценностей (помимо, разумеется, выполнения функций и решения задач, де-факто имеющих важное значение и заведомо полезных для всех без исключения членов социума).

Если государство в лице господствующей элиты не только на словах, но и на деле преследовало бы лишь гуманные и добродетельные цели, неизменно отстаивало бы не превратно, ложно истолкованное, а адекватно, верно трактуемое народное благо, было бы озабочено единой исторической судьбой всей совокупности своих граждан как неразрывной целостности и вместе с тем достойным грядущим, материально достаточной и духовно наполненной будущностью каждого из них в отдельности, оно, конечно же, могло бы считаться высоконравственным. Проблема, однако, заключается в том, что представить себе такое государственное образование совершенно невозможно. Ведь это — чисто утопическая, сугубо идеалистическая конструкция, не более чем некая благостная, умиротворяющая картинка излишне приукрашенного патриархального уклада, предельно насыщенная элементами и оттенками старинного, донельзя наивного, абсолютно безнадежного романтизма и, следовательно, в полной мере в принципе не подлежащая практическому воплощению.

Кроме того, въяве обнаруживается буквально бьющая в глаза вредоносность, крайняя пагубность подобного рода соблазнительного, но фантастического виденья мыслимо предполагаемой реальности. Создается опасная, чреватая тягостными разочарованиями иллюзия будто в условиях грандиозного, разнузданного, дикого торжества капиталистических отношений³, тотального, безжалостного, почти

³ Если не стесняться неизвестно чего, не прятать стыдливо взор, не бояться прослыть ретроградом, чем сегодня грешат очень и очень многие, а четко и ясно называть вещи своими именами, то можно с уверенностью сказать, что после контрреволюции второй половины 80-х — 90-х годов прошлого столетия, гибели СССР, мировой социалистической системы, именно такие, т.е. капиталистические отношения были, как ни прискорбно, восстановлены, реставрированы уже в планетарном масштабе (не без активного участия, кстати, подавляющего большинства тогдашнего и определенного сегмента нынешнего отечественного истеблишмента).

несдерживаемого доминирования рынка, повсеместного, стремительного, интенсивного упрочения основ, утверждения начал буржуазного эксплуататорского строя (раздираемого, заметим, непримиримыми противоречиями, непрекращающейся враждой антагонистических социальных групп и отражающих их интересы политических партий) нравственное, справедливое государство вполне возможно и в действительности достижимо. Между тем это иллюзорное представление, грубо навязываемое, энергично и агрессивно насаждаемое, целенаправленно и насильственно внедряемое в сознание масс новыми прозелитами и давними адептами такого строя, есть не что иное, как, пользуясь несколько акцентированно перефразированным и весьма удачным выражением К.П. Победоносцева, величайшая ложь нашего времени⁴.

2.

Нравственный порядок и капитализм — вообще несовместимые, по сути, взаимоисключающие явления. Последний по своей внутренней природе, сущностному содержанию, воплощающемуся в несчетном множестве его внешних форм, образов и ликов, глубоко, вопиюще аморален. Поистине, в рамках данной системы правящая верхушка несомненно располагает богатейшим инструментарием, целым арсеналом средств, позволяющим ей надежно гарантировать (притом как явно, совершенно открыто, так и скрытно, абсолютно тайно, т.е. прибегая к самым хитроумным, лицемерным и изощренным способам и технологиям⁵) легитимацию и воспроизводство собственного, прежде всего экономического господства, чудовищного социального неравенства, угнетенного состояния, подчас очевидно рабского повиновения подвластного большинства. В этом арсенале имеется к тому же все необходимое для того, чтобы перманентно и эффективно обеспечивать дальнейшее укоренение предельно порочной, но чрезвычайно выгодной олигархату идеологии необузданного, бездумного потребления, неистового, слепого, доходящего до яростного иступления поклонения мамоне, рассматриваемому в качестве единственного непререкаемого и всемогущего божества. Буржуазия со времени завоевания ею в обществе руководящих позиций «не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* (выделено К. Марксом, Ф. Энгельсом. — Примеч. авт.) бессовестную свободу торговли.

⁴ Напомним, что К.П. Победоносцев в своей широко известной, яркой работе «Великая ложь нашего времени» охарактеризовал таким образом идею народовластия, равно и проистекающую из нее теорию парламентаризма [12, с. 31–32 и далее].

⁵ Одной из подобных технологий выступает демократия.

Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой» [13, с. 27–28].

За 175 лет, минувших с момента написания этих вдохновенных, прочувственных строк, ситуация не только ничуть не улучшилась, а, напротив, обострилась, накалилась, усугубилась. С.Н. Бабурин также считает, что классовые сражения внутри наций и государств не утратили смысл и не уменьшились в масштабах, а лишь ожесточились [1, с. 19].

Произошедшая приблизительно в конце 70-х — 80-х годов прошлого века «неоконсервативная революция» неумолимо запустила процесс быстрой и бесповоротной деградации капитализма, выразившийся в его закономерной кардинальной трансформации, уродливом перерождении особенно в США, развитых странах Европы, ряда других регионов земного шара в паразитический, обладающий при этом волчьим аппетитом, плотоядный и жадный организм.

Он явственно предстал в виде агрессивного хищника, всеми силами стремящегося удовлетворять свои желания и потребности в первую очередь за границами собственной, некогда четко очерченной и изначально принадлежавшей исключительно ему территории. Теперь он алчет расширить свое пагубное влияние далеко за ее пределами, охватив все мыслимое пространство, т.е. посягает, и вполне успешно, на всю планету. Говоря конкретнее, он решительно перевоплотился в некую финансиализированную целокупность, органическую систему, нещадно обирающую, тотально грабящую периферию, государства третьего и четвертого мира, интенсивно и настойчиво переносящую в них более неприемлемые по тем или иным причинам разновидности национального промышленного, сельскохозяйственного и прочего производства (прежде всего, конечно же, вредного).

Ведущую, главенствующую роль в этой варварской, людоедской системе играют уже не предприятия, не заводы и фабрики, создающие непосредственно осязаемую продукцию, а на удивление вездесущие и могущественные банки, различные кредитно-финансовые учреждения, сами ничего не производящие, но с каждым днем упрочивающие свое небывалое колоссальное могущество, и, соответственно, их беспринципные, циничные, бездушные владельцы и менеджеры высшего звена, страстно и притом совершенно неоправданно уверовавшие в собственную интеллектуальность и рафинированность, словом, всякий высокомерный, снобистский сброд. В результате в странах Запада, отчасти и некоторых других, капитализм классический, производительный, если угодно, «веберовского» типа (его естественно ни в коем случае нельзя идеализировать) уступает, точнее, похоже, окончательно уступил место капитализму, который можно описать как общественный строй по преимуществу постпроизводительный.

Для первого до известной степени характерны аксиологические установки протестантизма с его осознанием

ответственности и обязанностей перед социумом, приверженностью бережливости, опускающейся порою до скупости, аскетическому накопительству, жестко определенной и достаточно суровой трудовой дисциплине, сдержанности и самоконтролю. Для второго свойственны стопроцентное и безоговорочное, активное и поразительно радостное принятие неискупимо греховных способов обогащения, грубая спекуляция и беззастенчивое ростовщичество, извлечение прибыли не по хорошо апробированной формуле $D - T = D'$, а по весьма нехитрой, незамысловатой, примитивной формуле $D = D'$, допущение (распространяющееся к тому же, разумеется, не на всех, а только на избранных), более того, молчаливое благословение беззаботного, бесполезного, праздного, по сути развращающего времяпрепровождения. Такого рода буржуазному укладу имманентно присущи ориентированность на непозволительные, нечестные, а то и откровенно криминальные приемы и методы приобретения собственности, особо предосудительные, нечистоплотные, зачастую преступные финансовые махинации и схемы; восторженное восхваление получения доходов от сомнительных, недобросовестных биржевых и др. сделок, всевозможных видов ренты, нисколько не помогающих росту и не стимулирующих продуктивность национальных хозяйств; беспардонное навязывание распутности в обыденной жизни, в быту, распущенности в потреблении товаров и услуг.

Подобный несправедливый, отвратительно ложный социально-экономический, политический и духовно-нравственный уклад насаждали в нашем Отечестве (надо с горечью признать, отнюдь не безуспешно) почти все представители властвующей элиты 90-х годов XX в., их иноземные господа, работодатели и покровители, а также та часть интеллигенции, которая либо была унижительно и, к стати, далеко не всегда щедро прикормлена Западом, либо искренне, удручающе наивно им очарована. Последний и поныне пытается это делать, т.е. приручать чиновников и людей творческих профессий практически во всех уголках планеты.

Такой капитализм, ничего не созидая, лишь бессердечно и безусловно опрометчиво, крайне близоруко, подикарски неистово опустошает сокровищницы сказочно волшебных, как будто сотворенных чудодейственной силой, несметных и изумительно разнообразных богатств природы. Он воинственно и безжалостно нивелирует путем вульгарного опошления, уродливого опрошения, банального и постыдного забвения гениальные, взыскующие вечной истины и нетленной красоты достижения возвышенной нематериальной мировой культуры, обнаруживая тем самым вопиющую аморальность даже по сравнению со своим классическим и без того изначально порочным и безнравственным предтечей.

Закономерным итогом разрушительного, нередко убийственного воздействия этого во многом «нового», относительно недавно народившегося общественного порядка на естественную и искусственную среду обитания

Homo sapiens явилось доселе невиданное, страшное разорение и в природной, и в духовной ойкумене большинства современных государств. Неопровержимым доказательством тому служат перманентно возникающие экологические глобальные и локальные кризисы, слишком часто принимающие по остроте, глубине и масштабности катастрофический характер, равно как и очевидно проявляющаяся интеллектуальная деградация, падение, оскудение и разложение нравов целых (не исключая в прошлом и великих) этносов.

Наряду с отмеченными резко негативными чертами этого новоявленного финансиализированного капитализма, он еще и безнадежно непродуктивен. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл не случайно и абсолютно верно пишет: «Экономика может быть эффективной тогда, когда она основана на человеческом труде, необязательно на физическом, но и на умственном труде, даже на духовных усилиях. Деньги должны быть подкреплены реальными ценностями. Если реальной ценностью деньги не подкреплены, то такая экономика нежизнеспособна. Но именно спекулятивный капитал стал основой обогащения огромного количества людей» [14, с. 102–103].

Подытоживая изложенное в данной части нашего повествования, мы вынуждены констатировать, что капитализм (и классический, и в особенности нынешний), продолжая победно шествовать по Земле, как тяжелая болезнь, коварный, чрезвычайно опасный недуг (им, конечно же, заражена и КНР), подрывает нравственное здоровье народов и отдельных личностей, отвергает общепринятую мораль, устои мировых религий, попирает социальную справедливость и неумолимо ведет к безраздельному, неограниченному правлению мамоны.

Однако это вовсе не означает, что в условиях повсеместного доминирования буржуазного строя следует отказаться от борьбы за торжество высоких этических норм в том числе и в сфере государственно-правовой. Мы вообще не вправе поступать подобным образом. Так считает и С.Н. Бабурин. Его книга содержит громкий и мощный, прямой и искренний призыв к эпической, суровой и неустанной битве во имя грядущего: пусть нескорого, но долгожданного и вожделенного триумфа идеалов нравственности в названной, т.е. в политической области рационально и чувственно постижимого человеческого бытия.

3.

Провозглашенная и энергично отстаиваемая С.Н. Бабуриным целеустановка — созидание и утверждение нравственного государства — в полной мере не подлежит воплощению в действительность. Это в принципе невозможно. А в рамках жесточайшего диктата капитала к ее реализации необычайно сложно даже подступиться. Тем не менее мы солидарны с автором: последовательно, терпеливо и неотступно тшиться (к сожалению, именно такое слово в данном случае уместно) претворять ее в жизнь крайне важно и оттого необходимо.

И все же мы не усматриваем в этом первостепенной задачи. Она видится нам в другом. Здесь полезно вспомнить сформулированный В.И. Лениным более века тому назад, ныне очень популярный и совершенно верный с методологической точки зрения тезис: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натывать“ на эти общие вопросы» [15, с. 368]. Восприняв сей ставший классическим постулат, усвоив его в качестве руководящего познавательного начала и основываясь на предшествующих рассуждениях и умозаключениях, мы неизбежно приходим к неутешительному, но категоричному выводу: построить государство, которое по своим базовым характеристикам и внешним проявлениям было бы нравственным, можно, только если оно утратит свою давно и повсеместно укоренившуюся буржуазную сущность. Иначе говоря, без окончательного, революционного преодоления господствующего сегодня почти везде способа производства, т.е. без его безусловного уничтожения, о государственно структурированном социуме, опирающемся на высокоморальные ценности, правильные, крепкие и здоровые духовные устои, остается лишь мечтать. Из этого явствует: первостепенная задача, в известном смысле сверхзадача в рассматриваемом контексте состоит все-таки не в том, чтобы предпринимать определенные меры по внедрению должных этических норм и императивов в политико-правовой области (что, как уже отмечалось, конечно, необходимо), а в устранении самого исходного, первородного, чистого, увы, к настоящему времени непосредственно воплощенного и торжествующего во вселенском масштабе зла — капитализма.

В связи со сказанным возникает архиважный, животрепещущий, воистину судьбоносный для человечества вопрос: есть ли весомые рациональные основания надеяться на то, что сокрушить капитализм, упразднить соответствующие производственные отношения, институты публичной власти, законы и идеологические установки удастся мирным, ненасильственным путем, избежав вооруженных конфликтов? Реальна ли в данном случае бескровная революция?

Создатели марксистской теории занимали по этому поводу четкую и однозначную позицию. В цитировавшемся выше «Манифесте» К. Маркс и Ф. Энгельс настаивают на том, что коммунисты считают сокрытие своих взглядов и намерений презренным делом и посему открыто заявляют о возможности достижения поставленных ими целей исключительно посредством насильственного ниспровержения существующего общественного строя [13, с. 61]. Многие, пожалуй, очень многие крупные ученые и писатели, народные лидеры и вожди, рядовые граждане и обыватели в самых разных странах придерживаются, по сути, схожих воззрений. Их представления зиждутся на отнюдь не беспочвенной, подтвержденной более чем тысячелетней историей вере в то, что обеспечить

кардинальное усовершенствование экономического и политического бытия, т.е. такую его трансформацию, которая качественно улучшит социальное жизнеустройство, нивелирует имеющиеся изъяны и несправедливости, можно лишь при помощи насилия. По мнению Ж.-Ж. Руссо, то, что оказывается полезно обществу, вводится в повседневную практику не иначе как силой [16, с. 479]. Л. Фейхтвангер полагает, что нельзя привить человечеству человечность без кровопролития [16, с. 479].

Аналогичных суждений выдающихся личностей известно немало. Спокойное и вдумчивое их осмысление подвигает нас к тому, чтобы в целом согласиться (разумеется, до определенной степени и с существенными оговорками), с заключенной в них пессимистической оценкой хода грядущих общественных преобразований. Он, вероятнее всего, обретет характер по большей части и насильственный, и кровавый. Это обусловлено тем, что народ далеко не всегда ясно осознает, в чем его благо. Кроме того, он иногда не способен различить хорошее и дурное, праведное и греховное, нравственное и аморальное, ибо то и дело подвергается со стороны господствующей элиты бессовестному, изощренному обману и нередко обнаруживает удручающую, покорную готовность к самообману. Наконец, он порою вовсе не желает блага (ни для кого не секрет, что немецкий народ в массе своей активно поддерживал фашистскую диктатуру в Германии).

Но главное — в другом. Наивно ожидать от любого правящего класса (особенно буржуазии), что он добровольно, безо всякого принуждения, руководствуясь единственно собственными прогрессивными, альтруистическими убеждениями и аксиологическими установками, откажется от своего привилегированного положения, высокого статуса и предоставляемых властью колоссальных, потрясающих воображение, почти безграничных возможностей и преимуществ⁶.

Тем не менее, несмотря на сказанное, мы искренне надеемся на то, что неизбежно надвигающаяся революция, которая теперь уже окончательно уничтожит капитализм и возвестит начало становления нового мира, свершится бескровным путем. Это хилиастическое упование не слишком велико, но оно все же есть. Революция — не одномоментный акт захвата власти, не молниеносное занятие центральных позиций в системе государственного управления, а напротив, долгий, обыкновенно длящийся годы, жестко детерминированный в своих основных чертах процесс умирания старого и рождения принципиально иного социального порядка. Проблема в том, чтобы уберечься

⁶ И все же всемирная и отечественная история знает отдельные подобные случаи. Впечатляющим, вдохновляющим и вместе с тем трагическим примером служит здесь благородная бескорыстность, героическая самоотверженность декабристов, их проникнутая непреклонностью и фатализмом решимость принести себя в жертву ради свободного и светлого будущего нашей Отчизны.

от абсолютной неконтролируемости, пугающей стихийности означенного процесса. Человечество просто обязано прилагать титанические, неустанные и целенаправленные усилия к тому, чтобы революционное преодоление буржуазного строя, глубинные метаморфозы общественного бытия, безусловно неотвратимые и, как свидетельствует опыт многих поколений, сопровождаемые неисчислимыми бедами, страданиями и лишениями, выпадающими на долю неповинных людей, протекали максимально безболезненно, без вооруженных столкновений, жертв и крови.

Мы рассматриваем книгу С.Н. Бабурина в качестве обращенного ко всем, развернутого, открытого и пламенного призыва к борьбе за торжество нравственности в политико-правовой сфере, которая представляется нам не чем иным, как неотъемлемой составной частью борьбы за ниспровержение капитализма и создание лучшего мира. И вместе с С.Н. Бабуриным мы испытываем трепетную надежду на то, что подобная грандиозная по масштабам и последствиям, революционная по своей сути социальная трансформация может все-таки произойти без ломающего и разбивающего судьбы, калечащего и опустошающего души кровопролития.

В этом призыве отчетливо проявляется сакральный смысл, благородный пафос, равно как и функциональное предназначение произведения С.Н. Бабурина, заглавие которого, несомненно, отражает не объективно существующую реальность, не сущее, а обозначает заветную, далекую стратегическую цель, т.е. должное. В анализируемой монографии фиксируется также и генеральное направление движения к этой цели, намечается (весьма приблизительно, фрагментарно) магистральный путь ее достижения, путь, который шаг за шагом предстоит смело и настойчиво прокладывать, с усердием протоптать, тем самым неуклонно превращая государство в организацию, ориентированную не на обеспечение аморального всевластия олигархата, а на решение общих и притом праведных, благих, богоугодных, освященных высшим нравственным законом дел.

4.

Мы полагаем, что упование на ненасильственное, точнее сказать, бескровное преодоление капитализма, не связанное обязательно с разрушительными боевыми действиями (гражданскими войнами) и не сопряженное непременно с огромными людскими потерями, имеет под собой определенные, пусть не столь уж твердые, но тем не менее достаточно серьезные основания. Средоточим на них наше внимание.

Во-первых, буржуазный строй постепенно изживает себя естественным образом, медленно, но неотвратимо умирает. Его мучительное угасание обусловлено всем ходом эволюционирования мировой цивилизации. Стремительно накапливающиеся чрезвычайно сложные проблемы и противоречия общественного развития,

перманентно и грозно наступающие кризисы в финансово-экономической и прочих областях, не поддающиеся внятному объяснению нескончаемые и вопиющие нарушения элементарных принципов социальной справедливости, устоявшихся нравственных и религиозных норм — эти и другие характерные черты, свойственные капиталистической системе изначально и по сей день, красноречиво свидетельствуют о ее относительно скорой неминуемой гибели и последующем преобразовании в нечто кардинально иное. Капитализм покинет историческую сцену не только ввиду того, что он почти полностью исчерпал собственные внутренние ресурсы, израсходовал мобилизационные возможности, не в силах адекватно реагировать на вызовы современной эпохи, справляться с беспрерывно появляющимися объективными и разнопорядковыми трудностями, превозмогать свои недостатки и пороки, а еще и потому, что он невыносимо долго остается на этих подмостках.

Хронос беспощаден. Это божество чуждо сочувствию, не знает жалости, не ведает сострадания и милосердия. Противиться тщетно, восставать безрассудно. Ему в нашем мире подчиняется все и вся: процессы, явления, события, живые организмы, материальные вещи и т. д. априори заключают в себе как свое возникновение, так и свой конец. Неспешное, но уверенное и непрестанное, ни на мгновение не останавливающееся, вечное движение от зарождения к исчезновению, от восхождения к падению, от расцвета к увяданию, от триумфа к краху — таков универсальный незыблемый и мудрый закон вселенной. И никакие заклинания ярых ревнителей, циничных и самонадеянных апологетов буржуазных устоев не смогут его упразднить.

Мы предвидим здесь веское возражение, состоящее в том, что приблизительно три столетия существования капитализма — не слишком продолжительный в историческом плане период, и поэтому предрекаемый нами его неизбежный уход с геополитической арены вряд ли свершится в обозримом будущем. Однако время сегодня течет не так, как прежде, казалось бы, совсем недалеко, добродушно-примитивном, во многом патриархальном и, конечно, невозвратном прошлом, т.е. медленно, размеренно и постепенно. Нет, нынче оно буквально мчится в загадочно-непонятное, таинственное, внушающее страх и вместе с тем магически притягивающее, неодолимо манящее завтра.

По метафорическому выражению А.С. Панарина, складывается впечатление, что терпение мирового духа истощилось, и посему он с растущим ожесточением все быстрее вращает колесо событий [17, с. 41]. Уже в XIX, особенно в XX и XXI в. наблюдается доселе невообразимое, до сих пор почти немыслимое (по крайней мере в рамках обыденного сознания), зачастую затмевающее даже наиболее смелые прогнозы футурологов и научных фантастов ускорение и усложнение практически всех общественных процессов. День за днем они все сильнее

поражают нас своей стихийностью, хаотичностью, беспорядочностью, неуправляемостью и бесконтрольностью, что в совокупности несомненно представляет собой их специфическое качество, отличительное свойство, обязательный атрибут на настоящем этапе истории.

Э. Тоффлер задается очень важным, вполне резонным и при этом риторическим вопросом: способен ли индивид жить в социуме, который по сути вышел из-под контроля? Ведь именно в таком положении, по его мнению, мы сейчас и находимся. Он отмечает, что если бы одна лишь техника, условно говоря, вырвалась на свободу, и в результате ее развитие обернулось непредсказуемыми последствиями, то и тогда мы бы столкнулись с серьезными проблемами. Между тем драматизм ситуации в том, что и другие объективные процессы, происходящие в людском сообществе и природной среде, активнейшим образом, с его точки зрения, сопротивляются всем нашим неимоверным усилиям управлять ими. Урбанизация, этнические конфликты, миграция, население, преступность — перед мысленным взором, подчеркивает исследователь, возникают тысячи областей деятельности, где наши старания придать переменам приемлемую форму выглядят все более нелепыми, глупыми и тщетными [18, с. 486–487].

Сверх того, стремительно обостряются старые и появляются абсолютно новые, ранее неизвестные, в том числе глобальные проблемы, насыщающие мир мрачными и жестокими реалиями, злонамеренными, воистину дьявольскими интенциями, делающие его открыто враждебным, чудовищно опасным. Эти планетарные по своему охвату проблемы угрожают не только стабильному, полноценному и благополучному существованию целых стран и континентов, наций и народов, но и сбережению человека в биологическом и духовном смыслах, сохранению самой жизни на Земле, всего рода людского, по большей части безнадежно утратившего чувства эсхатологической интуиции и провиденциальности собственного предназначения.

Речь идет о постоянно увеличивающейся и во всемирном масштабе, и нередко в границах отдельных государств без того гигантской пропасти между богатством и бедностью, изобилием и нуждой, роскошью и нищетой, о пропасти, если угодно, всепроникающей, вездесущей, разверзнутой не где-то там, далеко на краю света, а прямо здесь, перед нами, нашими уютными и комфортными домами. Устрашающее зияние этой бездны как будто специально призвано поколебать и посрамить веру в единую судьбу человечества.

Мы также имеем в виду и многие другие вызовы нашего сурового века: безумное наращивание гонки вооружений и безудержное распространение все более совершенных и смертоносных его видов; транснациональный терроризм, этнический и религиозный экстремизм; ужасающее загрязнение биосферы и неуклонное расширение «зон экологического бедствия»; хроническая нехватка

продовольствия, острый дефицит энергоресурсов; нескончаемые, из года в год учащающиеся, сокрушительные природные катаклизмы, неслыханные техногенные катастрофы и производственные аварии, спровоцированные из рук вон плохо регулируемым развитием НТП; беспрецедентное появление до сих пор неведомых вирусных и прочих коварных заболеваний, принимающих характер повальных эпидемий, даже пандемий, и т. д.

Итак, неумолимое течение времени, невероятное ускорение общественных процессов и усложнение социумов, беспрецедентное усугубление всевозможных, уже имеющих место и вновь возникающих кризисов, противоречий и проблем на уровне внутригосударственном и на международном, некоторые другие факторы неопровержимо свидетельствуют о том, что капитализм близится к своему естественному и закономерному закату. Способность учрежденного им порядка адаптироваться к реалиям и перипетиям современной действительности сильно преувеличена. «Продолжительность его жизни» резко сокращается. Она будет бесспорно гораздо короче, нежели феодального, рабовладельческого и уж точно первобытно-общинного строя.

Во-вторых, на смену этому устаревающему порядку своим чередом, пусть неспешно, но твердо и неминуемо идет ярко выраженный, отчетливо заявляющий о себе антибуржуазный уклад, формирующийся первым делом не в экономической, а прежде всего в духовно-нравственной сфере (в данном случае мы разделяем проникнутые философией идеализма взгляды С.Н. Бабурина). Зарождается как бы само собою, органически, безыскусственно и остенсивно общество будущего, общество посткапиталистических отношений и взаимосвязей, установок и целей, значений и смыслов. Грядет новая эпоха. Ее ожидаемое пришествие произойдет в результате независимо от воли и желания тех, кто всепоглощающе заинтересован в сохранении статус-кво, ныне существующей жестокой и бездушной эксплуататорской системы. Она к тому же наступит намного раньше, чем допускает большинство экспертов и аналитиков, в обозримой, должно быть, ближайшей, а вовсе не в отдаленной, как им думается, перспективе.

Еще довольно смутные, туманные, размытые контуры, весьма расплывчатые, призрачные, едва различимые очертания грядущей эпохи, несмотря ни на что, уже угадываются, а отдельные их фрагменты порою даже выпукло вырисовываются в зачастую безрадостном настоящем. Достойное свободного индивида постбуржуазное завтра шаг за шагом, постепенно, но уверенно и настойчиво прорастает из глубин экономикоцентричного сегодня. Персонажи, ориентированные исключительно на пугающее регулярное, притом явно развратно-избыточное, иррационально непомерное потребление товаров, продуктов и услуг, нередко оказывающихся в дальнейшем совершенно ненужными, как будто нехотя, но неотвратимо уступают место личностям нравственным

и интеллектуальным. Последние не только в некоем абстрактно-метафизическом, духовном, но и в реальном жизненном пространстве начинают пока мучительно медленно, но неустанно и решительно оттеснять с занятых господствующих позиций субъектов, пораженных капиталистической моралью. Ее отличительные, скорее, оправдываемые ею черты и особенности хорошо известны, это: неумная, паталогическая, не взирающая ни на какие запреты и ограничения и в конечном итоге губительная для души, деструктивная по отношению к социуму и природе страсть к обогащению, неутолимая жажда наживы и стяжательства, неисцелимая и злая одержимость корыстными инстинктами, материально-финансовыми обретениями и успехами; воинствующий, пренебрегающий национальной самостоятельностью и самобытностью космополитизм, элементарное отсутствие чувства долга, ответственности перед Родиной; ужасающая неразборчивость в выборе средств, используемых ради достижения поставленных, обыкновенно низменных целей; крайний цинизм и прагматизм, индивидуализм и эгоизм и т.п.

Ясно и отчетливо осознавая, с настороженностью и гнетущей тревогой ощущая всю тлетворность, пагубность и опасность упомянутых и других черт воцарившейся буржуазной морали, многие наши современники все чаще и энергичнее выражают непреклонное желание избавиться от нее и строить свое долгоденствие на принципиально иных этических основаниях. В результате они, сами того всецело не понимая, вносят непосредственный и конкретный вклад в праведное дело борьбы с капитализмом, расшатывая и подтачивая его изнутри, что становится одним из факторов его предстоящей гибели.

С.Н. Бабурин, являясь приверженцем монизма, отводит именно этому, сугубо духовному фактору не только важное, существенное, но, точнее было бы сказать, определяющее, первостепенное значение. Приняв его оптимистическую, проникнутую верой в нравственность и мудрость людей, по преимуществу софиологическую точку зрения, мы тогда должны будем согласиться с тем, что вооруженных столкновений широких масс населения с ордами приспешников магнатов капитала, по-видимому, удастся избежать. Но мы не осмеливаемся принимать ее полностью и безоговорочно, ибо в отличие, к примеру, от В.С. Соловьёва⁷, не верим

или по крайней мере не до конца верим в нравственный прогресс человечества в целом. Впрочем, как знать, может быть С.Н. Бабурин и прав? Будущее покажет. Нам же остается, несмотря на имеющиеся серьезные сомнения, надеяться на мирный, ненасильственный, бескровный ход революции, которая приведет к ниспровержению буржуазного и возникновению гораздо более справедливого строя.

Упование на такой сценарий развития событий обусловлено появлением новых и ренессансом испокон веку известных начал высокой, рафинированной морали, произошедшими и продолжающимися позитивными сдвигами прежде всего в умонастроениях, представлениях и чувствованиях, в сознании и, следовательно, поведении пока лишь наиболее передовой, разумной и просвещенной части общества практически всех зарубежных стран, равно и нашего Отечества. В каком-то смысле мы присутствуем при рождении и воскресении качественно иной, лучшей личности.

Примеров это доказывающих уже предостаточно. Буквально с каждым годом все большее количество граждан различных государств приходят к ясному, иногда интуитивному пониманию того, казалось бы, очевидного факта, что получение системного, добротного академического образования нужно им и их детям не столько для решения утилитарных задач (регулярных солидных доходов, гарантированной престижной работы, стабильного карьерного роста и т. д.), а необходимо, по сути, как таковое, само по себе. Образование в итоге все чаще предстает в аксиологическом ряду фундаментальной, чрезвычайно важной и, главное, абсолютно самостоятельной ценностью; утверждается его собственная исключительная самоценность.

В этом объективно отражается неотъемлемое свойство, уникальная особенность человеческой природы — упорное и неодолимое стремление к постижению ранее неведомых, до сих пор сокрытых от пытливого ума закономерностей природы, общества и мышления, к постоянному, неутомимому познанию и самопознанию. Некая внутренняя, глубоко укорененная в людях, будто магическая сила, избавленная от какого бы то ни было побудительного мотива со стороны внешнего авторитета, экзогенного влияния или давления, неистово влечет их к творческому, созидательному освоению мира. Она подвигает их к покорению неизведанных научных вершин и изменению на этой интеллектуальной основе окружающей среды, условий своей жизни, в частности социально-экономических и государственно-правовых реалий своего бытия, в том числе угнетающей и порабащающей их организации публичной власти.

Нельзя не признать, что эта имманентно присущая человеку страсть, изначальное стремление к образованию, просвещению (удачно определяемому И. Кантом

⁷ В.С. Соловьёв в работе «Первый шаг к положительной эстетике», опубликованной в 1894 г. пишет: «Несмотря на все колебания и зигзаги прогресса, несмотря на нынешнее обострение милитаризма, национализма, антисемитизма, динамитизма и проч., и проч., все-таки остается несомненным, что *равнодействующая* (выделено В.С. Соловьёвым — Примеч. авт.) истории идет от людоедства к человеколюбию, от бесправия к справедливости и от враждебного разобщения частных групп к *всеобщей солидарности* (выделено В.С. Соловьёвым — Примеч. авт.)» [19, с. 550–551]. Русскому философу, к счастью, не суждено было стать свидетелем и жертвой преступлений национал-социализма. Он почил в 1900 г.

в качестве выхода из состояния несовершеннолетия⁸) и, соответственно, к осмыслению и переустройству действительности под натиском, жестким психологическим прессингом целенаправленной агрессивной политики господствующего класса, либеральной демократии, ничем не стесненного свободного рынка, разнузданного потребительского общества, усердно культивируемого постмодернистского виденья реальности и т. п., к величайшему сожалению, постепенно притупляется, затухает и угасает. Многие его уже безвозвратно утратили. Но оно, тем не менее, все еще характерно для наиболее пассионарных индивидов, о которых столь убедительно и подробно писал Л.Н. Гумилёв.

Невозможно не заметить и ряд других принципиальных, весьма наглядных и показательных сдвигов в шкале ценностей, в их иерархической сопоставимости, и, как следствие, в структуре потребления, в перечне расходов некоторой, пожалуй, даже немалой части наших современников. Эти существенные изменения напрямую связаны с повышением общего культурного уровня людей XX и XXI столетий. К ним приходит осознание того, что качество жизни зависит далеко не в последнюю очередь от степени ее духовной насыщенности, наполненности нетривиальными смыслами и экзистенциальными переживаниями. Посему они активно предпринимают попытки, направленные на всемерное обогащение своей повседневности соответствующим содержанием. Рождающийся и возрождающийся ныне, на новом этапе истории постэкономический *Homo sapiens* гораздо охотнее обращает внимание на социальную значимость, характер, нужность и полезность своего труда, а не только лишь на его доходность и прибыльность; он предъявляет достаточно высокие требования к выполняемой им изо дня в день работе, полагая прежде всего реализоваться в ней как творческая, инициативная и гармоничная личность; он хочет, чтобы его профессиональная деятельность была увлекательной и интересной, приносила ему удовольствие и радость; он, наконец, тратит довольно большую часть заработанных им (порою благодаря напряженным длительным усилиям) денежных средств не на оплату тех или иных сугубо материальных нужд, не на аморальное потакание различным, может статься, имеющимся у него плотским слабостям, не на избавление при необходимости и желании от своих болезненных аддикций,

а на удовлетворение невещественных, неосязаемых потребностей, связанных с запросами духовного — интеллектуального, этического, религиозного, эстетического, эмоционального — порядка (чтение книг, прослушивание лекций, посещение святых мест, также театров, концертов, музеев, выставок, и т. д.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На смену типичному персонажу эпохи капитализма постепенно, но твердо и неотвратно идет новый, более нравственный, проникнутый возвышенными чувствами, идеалами и устремлениями, пассионарный человек. Именно на него мы, равно и наш коллега и единомышленник С.Н. Бабурин, возлагаем самые оптимистические, особенные надежды. Вместе с тем уже начавшееся формирование такого человека не должно протекать исключительно стихийно, спонтанно, как бы само по себе, без положительного, благотворного и, что крайне важно, по-видимому, определяющего воздействия извне. Ведь тогда процесс его становления неизбежно будет лишен прочного, солидного, устойчивого основания и окажется, вероятнее всего, временным и обратимым. Для того чтобы этого не произошло, следует предпринимать энергичные усилия по коренному, в сущности, революционному переустройству решительно всех значимых сфер общественной жизнедеятельности, сложившихся и созданных в их рамках социальных институтов и структур.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Источник финансирования. Автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

Конфликт интересов. Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ADDITIONAL INFO

Funding source. This study was not supported by any external sources of funding.

Competing interests. The author declares that no competing interests exist.

⁸ «Просвещение, — настаивает философ, — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие (выделено И. Кантом — Примеч. авт.) — это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным (выделено И. Кантом — Примеч. авт.) умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» [20, с. 29].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ | REFERENCES

1. Baburin SN. *Moral state: Russian view on the values of constitutionalism*. Moscow: Norma; 2020. (In Russ.)
2. Baburin SN. Moral state. Russian view on the harmfulness of constitutionalism. Belgrad: Legal Faculty of the University, Dossier Studio; 2023. (In Serb.)
3. Baburin SN. Moral state. Russian view on the harmfulness of constitutionalism. Banja Luka: Besjeda; 2024. (In Serb.)
4. Ragimov IM. Modern dialectics of the state and morality S.N. Baburin. The moral state. Russian view on the values of constitutionalism. *State and Law*. 2020;(12):106–111. EDN: GEZDSL doi: 10.31857/S102694520012822-5
5. Zagorov O. A true study of a benevolent state. S.N. Baburin. Moral state. Russian view on the values of constitutionalism. *State and Law*. 2021;(7):197–200. EDN: CNZFUK doi: 10.31857/S102694520016210-2
6. Mazaev VD. Moral state through the constitutional aspects of the economy (as part of the discussion about the problem of the moral state and its Russian features proposed by I.M. Rahimov in connection with the book «moral state» by S.N. Baburin). *State and Law*. 2021;(7):94–105. EDN: UJZKVC doi: 10.31857/S102694520016185-4
7. Karasev VI. Law and worldview in modern society. S.N. Baburin. Moral state: Russian view on the values of constitutionalism. *State and Law*. 2021;(7):83–93. EDN: KRTTVO doi: 10.31857/S102694520016184-3
8. Antonenko AP. The moral state of the civilitarian model or the social structure of the creative format. *State and Law*. 2023;(7): 63–78. EDN: IOOUEQ doi: 10.31857/S102694520026684-3
9. Levchenkov AI, Glazkov VA. Moral state: reality and prospects. *State and Law*. 2022;(4):13–20. EDN: KDXRNF doi: 10.31857/S102694520019553-9
10. Mamitova NV. Moral values of constitutionalism: historical retrospective and modern reality (reflections on the theory of the moral state by S.N. Baburin). *State and Law*. 2022;(10):63–70. EDN: SJVWUI doi: 10.31857/S102694520019504-5
11. Sazonnikova EV. The concept of professor S.N. Baburin on the moral state, the territory of the state and integration constitutionalism. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2023;(1): 33–40. EDN: EFRBDO doi: 10.17308/law/1995-5502/2023/1/33-40
12. Pobedonostsev KP. *The great lie of our time*. Moscow: Russian Book; 1993. (In Russ.)
13. Marx K, Engels F. *Manifesto of the Communist Party*. Moscow: Politizdat; 1970. (In Russ.)
14. Kirill, Patriarch of Moscow and All Rus'. A word on tradition and modern society. Moscow: World Russian People's Council; 2016. (In Russ.)
15. Lenin VI. *Attitude to bourgeois parties. Complete collected works*. Vol. 15. Moscow: Publishing House of Political Literature; 1972. (In Russ.)
16. Shoikher VYu. *Anthology of wisdom*. Moscow: Veche; 2007. (In Russ.)
17. Panarin AS. Global political forecasting in conditions of strategic instability. Moscow: Editorial URSS; 1999. (In Russ.)
18. Toffler E. *Shock of the future*. Moscow: ACT; 2004. (In Russ.)
19. Soloviev VS. *The first step towards positive aesthetics*. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1988. (In Russ.)
20. Kant I. Answer to the question: what is enlightenment? In: Kant I. *Collection of works in 8 volumes*. Vol. 8. Moscow: Choro; 1994. P. 29–37. (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Александр Джангирович Керимов, д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник; eLibrary SPIN: 7041-9829; адрес: Россия, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10; e-mail: 8017498@mail.ru

AUTHOR INFO

Alexander D. Kerimov, Dr. Sci. (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher; eLibrary SPIN: 7041-9829; address: 10 Znamenka st., Moscow, 119019, Russia; e-mail: 8017498@mail.ru